

Чернобыльское сообщество — самосёлы в зоне

(Опыт социологического анализа)

Чернобыльскими самоселами в печати обычно называют людей, проживающих в тридцатиклометровой зоне — зоне отчуждения Чернобыльской АЭС. Это люди, либо уклонившиеся от массовой эвакуации, либо самовольно вернувшиеся в свои родные места. Бесспорно, термин «самосёлы» недостаточно корректен. Практически все «самосёлы» живут в родных селах, в своих домах. Однако в газетах и журнальных публикациях, где речь идет о трудной судьбе самоселов, этот термин закрепился и стал привычным.

Самоселов в 30-километровой зоне Чернобыльской АЭС сравнительно немного. По сведениям НПО «Припять», координирующего и проводящего научные и хозяйственные работы в зоне, в августе 1988 г. их насчитывалось 1245 человек, в апреле 1992 г. — 845, в феврале 1993 г. — 762. Однако приведенные цифры следует считать заниженными. Заметное число самоселов (по неуточненным данным оно превышает сто человек и колеблется в зависимости от времени года) находилось во время переписи во временном отъезде или гостили у родственников вне зоны. По данным 1993 г. самосёлы проживают в 16 населенных пунктах зоны, расположенных не ближе 10 км от ЧАЭС. Численность жителей в населенных пунктах — от 1 (с. Ст. Шепеличи) до 167 жителей (с. Ильинцы).

Фактически, эти люди находятся вне закона, так как Закон Украины о правовом режиме территории, подвергшейся радиоактивному загрязнению в результате Чернобыльской катастрофы, и Закон Украины о статусе и социальной защите граждан, пострадавших в результате Чернобыльской катастрофы, запрещают постоянное проживание населения в зоне отчуждения ЧАЭС и требуют безусловного (обязательного) отселения жителей из этой зоны.

В период с мая до середины августа 1986 года в зоне жесткого радиационного контроля из 75 населенных пунктов Украины было эвакуировано 90784 человека, в том числе, 89849 человек из Киевской и 935 человек из Житомирской областей. Около 25 тысяч человек было эвакуировано из 107 населенных пунктов Белорусской ССР. Известно, что уже тогда примерно 100 жителей села Ильинцы решили отказать от эвакуации и исчезли из поля зрения эвакуационных штабов. Подобное произошло и в других селах.

Срочный характер принимаемых мер по переселению жителей не мог не сказаться на результатах переселения. Многим семьям сначала предоставлялось лишь временное жилье, а качество возводимых для них домов и других построек не всегда было удовлетворительным. Адаптацию переселенцев из Чернобыльской зоны затрудняло то, что переезд на новое место жительства нарушал сложившиеся ранее родственные, дружеские и культурные связи. Да и отношения с местными жителями далеко не всегда складывались благоприятно.

В течение первых дней и недель после эвакуации часть людей вернулись в свои дома, оглядя уже установленные милицейские посты, пробираясь, как они рассказывали, известными им «оленьими тропами». Панический страх перед всепроникающей радиацией так и не вошел в их сознание.

Из 845 опрошенных 1992 г. самоселов (опрос был проведен НПО «Припять») с участием работников Иванковского райисполкома) лишь 61 человек (7,2%) изъявили желание выехать из зоны отчуждения. Причинами возвращения переселенцев в зону были названы:

- неустроенность предоставленного жилья на новом месте — 88% ответов;
- тоска по родному дому — 81,5%;
- плохой прием со стороны местных властей — 13,6%;

- другие причины — 4,8%.

4,2% самоселов не указали причины возвращения домой).

В основном, самосёлы это люди преклонного возраста. У 75,3% из них возраст — более 60 лет и еще 19% жителей имеют возраст от 50 до 60 лет. Женщин среди жителей зоны более чем в два раза больше, чем мужчин. Население пенсионного возраста работает в г. Чернобыле, в поселке Зеленый Мыс, в колхозах, прилегающих к зоне отчуждения. В селах Ильинцы и Лубянка постоянно проживает несколько семей с детьми.

Почти 97% опрошенных, вернувшись, заняли свои прежние дома и использу-

ют только свои наделы земли. И только шесть человек используют для огорода еще несколько свободных участков. Проживающие в зоне самосёлы ведут натуральное хозяйство — имеют огороды, выращивают птицу и порослят, у многих есть коровы. Они используют продукты, выращенные на своем подсобном хозяйстве, собранные в лесах грибы и ягоды. «Самосёлы» ведут примитивный, как при первобытно-общинном строе, натуральный образ жизни, — писал в 1990 г. корреспондент «Вестника Чернобыля» В. Романов — Сообща сеют, сообща убирают урожай, сообща читают случайно попавшие газету или журнал». Для них нет ни медицинского обслуживания, ни почтовой связи, ни магазинов. Лишь специально оборудованный грузовик 1 — 2 раза в неделю привозит самоселам хлеб, муку, соль, спички и другие товары первой необходимости.

При опросе выяснилось, что многие жители оказывают помощь продуктами питания своим детям, проживающим за пределами зоны отчуждения (119 человек, 14,1%), а также принимают на временное жительство внуков, особенно в период летних школьных каникул (252 человека, 29,8%).

На проблему самоселов существует две точки зрения. Первая исходит из того, что эти люди, как граждане Украины, должны пользоваться всеми правами, в том числе и теми, что определены Законом «О статусе и социальной защите граждан, пострадавших вследствие Чернобыльской катастрофы». А это значит, что для них должны создаваться рабочие места, нормальная социальная инфраструктура.

«В зоне жить опасно, — возражают оппоненты, — и поэтому проживание в ней запрещено законом. Ведь если официально разрешить жить старикам, то зона отчуждения начнет бесконтрольно заселяться детьми и внуками самоселов, другими бывшими местными жителями». Исходя из этого, помощь самоселам оказывать нельзя, и тогда жизнь их станет такой невыносимой, что они добровольно покинут зону. А тех, кто и в этих условиях останется — следует выселить принудительно. Не будет самоселов — не будет проблемы.

В 1989 г. властями была сделана попытка силового выселения самоселов. Вот как это происходило (свидетельство работника Иванковского райисполкома): «Села Стечанка, Разъезда и Замокше Глинки были внезапно окружены несметным количеством милиционеров. Врывались в хаты по 5 — 6 человек, хватили обезумевших людей, запикивали в автобусы, как мешки забрасывали в кузова автомобилей. Кто смел сопротивляться, тут же избивали с особой жестокостью резиновыми дубинками и ногами. Одного старика за ноги стянули с печи, где он, хворый, грел старческие кости, поволокли к автомашине, раскачали и бросили. Видя все это, что творится, самосёлы, до которых не дошла очередь экзекуции, бросились спасаться в школу, в которой в то время стоял полк, прибывший из Прибалтики. За ними гнались милиционеры и били нещадно по голове, по плечам, куда доставала палка... Солдаты, видя такую картину, пропустили людей, а сами стали у ворот и пригрозили, что если кто посмеет войти в школу, поплатится». Но и после этого многие из принудительно выселенных самоселов вернулись в родные дома.

Побывавшие в зоне в 1991 г. журналисты, члены экспедиции «Правды» «Чернобыль — пять лет спустя» писали о чернобыльском сообществе: «Живут самосёлы без прописки, фондов и лимитов на них не выделяют. У них полная свобода — никаких органов управ-

ления, власти. Официально их в зоне не существует». Анализ опроса показал, что 97,9% «самоселов» желают, чтобы было узаконено их проживание в зоне отчуждения.

Отсутствие органов управления не беспокоит самоселов. Они вполне обходятся без руководства. Каждый сам знает, чем ему заняться на своем подворье. Даже в крайних случаях — смерти близких или соседей, — они не ставят об этом в известность власти (исключения составляют случаи в населенных пунктах у границы зоны). Со временем, в крупных селах или в группах, расположенных рядом «хуторов» выделились люди, пользующиеся авторитетом у населения. Именно к ним обращаются за дельным хозяйственным советом, они могут разрешить спор, рассказать о новостях во внешнем мире. Обычно это крепкие хозяева, более грамотные, чем остальные, уверенные в себе люди. Хотя их уровень знаний о радиации довольно низок, они более других самоселов осведомлены о работе атомной станции, о радиационных проблемах, могут понятным жителям языком рассказать им об уровне радиации. Некоторые из этих людей специально консультируются у работников ЧАЭС и НПО «Припять».

Несколько особо в ряду этих людей стоит священник отец Федор (Ф. А. Ленюк). Ему 80 лет. Отец Федор в самые трудные времена был рядом со своей паствой. Он правит службу в церкви Святого Ильи (г. Чернобыль), которую разрешили открыть лишь в конце 1990 г. За последнее время о. Федор окрестил в церкви 50 взрослых чернобыльцев. Он говорит, что авария на Чернобыльской АЭС ближе привинула людей к религии, вера сближает людей, помогает им выдержать невероятные испытания Чернобыльской бедой: «...они, во всяком случае самосёлы, под влиянием тяжелых условий стали лучше, снисходительнее и добрее. Если человек живет в изобилии, он горд, ему никто не нужен. А в горе все обращаются к Богу». И церковь Св. Ильи не единственный храм в зоне. Уже спустя 2 — 3 года после чернобыльской аварии был открыт молебенный дом в с. Ильинцы. Активно посещается самоселами некоторых сел церковь в с. Горностайполе.

Что же касается страха перед радиацией, то у подавляющего числа опрошенных само проживание в зоне отчуждения не вызывает тревоги (83,2%

опрошенных) — «войну здесь прожили, никуда не бежали с родной земли и сейчас не уйдем». Однако об уровнях загрязнения в местах проживания знает лишь незначительная часть самоселов — 25%. В 1992 г. сотрудниками НПО «Припять» была обследована радиационная обстановка в местах несанкционированного проживания населения на территории 30-км зоны вокруг ЧАЭС. В подготовленной ими «Информационной справке» отмечалось, что мощность экспозиционной дозы, зарегистрированная там, ниже контрольных уровней для зоны «жесткого контроля», то есть заметная часть населенных пунктов расположена в «пятнах» более низкого, по сравнению с остальной зоной, радиационного загрязнения. Выявленные в процессе обследования случаи локального превышения загрязнения устраняются работниками НПО «Припять».

В целом бытовые условия у самоселов очень тяжелые. Медсанчасть в г. Чернобыле не отказывает при обращении в приеме местному населению. Однако медицинское и медикаментозное обеспечение в селах не налажено.

(Автор ошибается. Действительно, в первые годы после возникновения аварии медицинская помощь самоселам на местах налажена не была. Однако за последние годы организованы здравпункты в селах с большим количеством людей. Там же, где проживает их мало, а то и один-два человека, производятся выездные проверки медгрупп медсанчасти в Чернобыле. Более того, львиная доля импортных лекарств по линии гуманитарной помощи из-за рубежа поступает также самоселам. — Ред. «ВЧ»).

Отсутствует ветеринарный надзор за домашними животными. По рассказам местных охотников, в зоне появилось много волкособак — результат скрещивания одичавших собак с местными волками. Неофициально посылку помощи самоселам оказывают работники НПО «Припять». Здесь нужно отметить интересное наблюдение о нашей общественной жизни, подмеченное в «зоне» австрийской журналисткой К. Бернер: «Терпение по отношению к «нелегалам» в сильно загрязненной запретной зоне — одно из своеобразных наблюдений, сделанных во время нашего печального путешествия. Причину мне так и не удалось узнать. Почему система, которая вообще не терпит ни малейшего противоречия, ни малейшего отклонения от своих норм, допускает жизнь в «мертвой зоне»?

В 1993 г. властями был сделан шаг навстречу самоселам. Правительством Украины принято решение о проведении регистрации возвратившихся в зону отчуждения после эвакуации 1986 года и их прописке в населенных пунктах, расположенных вблизи зоны отчуждения. Это позволит им получить удостоверение пострадавших вследствие Чернобыльской катастрофы и пользоваться льготами, предусмотренными Законом «О статусе и социальной защите граждан, пострадавших вследствие Чернобыльской катастрофы».

Н. САППА,
г. Харьков.

Фото Валерия КУЗЕНКОВА.